

СЖИГАЯ ЗАПРЕТЫ

ЕЛЕНА ТОДОРОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т50

Тодорова, Елена.

Т50 Сжигая запреты / Тодорова Елена. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 448 с. — (Твоя любовь).

ISBN 978-5-17-162880-2

— Сыграем, Марин? — выдыхает Шатохин приглушенно.

Понимаю, что именно он воскрешает. И, ожидаемо, задыхаюсь от волнения.

— Мой список желаний закончен, — высекаю решительно. — Пусти!

— В этот раз список будет моим. Ты не можешь мне отказать.

— Нет? — нервно смеюсь. — Я, конечно, понимаю, что у тебя ни стыда ни совести, Дань... Но чтобы настолько! Я через месяц замуж выхожу! Тебе это хоть о чем-нибудь говорит?

— Не выйдешь ты замуж, Марин.

— А вот и выйду!

— Не выйдешь, сказал.

Когда-то Даниил Шатохин считал меня своим запретом. Теперь он — запрет для меня. И сжигать эти запреты по его желанию я не намерена!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-162880-2

© Тодорова Е., текст, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 1

Я давно переболела...

© Марина Чарушина

— Марина... — тянет с дрожащим вздохом жена моего старшего брата. Редко полным именем называет, но сейчас, когда ее колотит от новостей едва ли не меньше моего, готова услышать даже ругательства, которые святая Лиза через свой идеальный рот никогда не пропускает.

— Если считать от первого дня менструации, у тебя получается девять недель беременности... Боже... Боже... — хватает ртом воздух. — Тёма нас всех убьет!

Представляя реакцию брата, сама вздрагиваю.

— Главное, чтобы он никогда не узнал, кто отец.

— Это... — выдыхает невестка и резко умолкает, опасаясь озвучивать свои личные догадки. Я особо не напрягаюсь, потому как у меня и мысли не возникает, что она решит тот бредовый ребус, в который с недавних пор превратилась моя жизнь. Но... Лиза его решает: — Это ведь Шатохин?

Я от шока дар речи теряю. Какое-то время просто во все глаза таращусь на невестку и пытаюсь дышать.

Даниил Шатохин — один из пяти лучших друзей моего брата. Я знаю его с рождения. Люблю практи-

чески столько же. То есть, любила. Больше нет! Месяц, как я его ненавижу! Он — законченный кобель. Испорченный до мозга костей блядун. Неспособный любить и не умеющий принимать любовь от других потаскун.

До этого лета Даня считал меня своим запретом. Но я была слишком глупой и сумела провернуть все так, чтобы сблизиться с ним. После этой связи и осталась беременной.

С разбитым сердцем.

Шатохин меня предал, оскорбил, намеренно ранил... Убил! Конечно, я его ненавижу! Всегда буду! Во всех своих последующих жизнях тоже! Отныне и до скончания веков!

Только бы брат ничего не узнал... Не дай Бог! У меня и без того проблем выше крыши. Еще не хватало переживать дополнительную драму.

Хорошо все-таки, что Шатохин уехал. Вот бы он совсем не возвращался! Месяц прошел, а мне все так же плохо. Не из-за него, конечно же! Просто я не хочу с ним сталкиваться дома, в академии или где-то в компании общих друзей.

— Как ты поняла, Лиз? — шепчу, едва удастся справиться с эмоциями. — Мы ведь... Мы... — заикаюсь в растерянности. — Внутри семьи мы были осторожны, — уверена в этом. — Ты нас где-то видела?

— Нет. Я видела только, как вы друг на друга смотрели.

Не скрывает жалости и огорчения. Взглядом и тоном свою скорбь выражает. Меня от неприятия накрывает ознобом. Не терплю такого отношения, но на Лизу не получается рассердиться. Слишком она искренняя в своем милосердии. Чем-то мою маму напоминает. Только с Лизой, в силу примерно одинакового возраста, говорить все же проще. Вероятно, поэтому я и пришла именно к ней. Долго решалась, но теперь не жалею. Какой-то груз с души уже свалился.

— Это все в прошлом, — отсекаю якобы непреклонно.

Но Лиза так просто не унимается.

— Ни с кем другим тебя и представить невозможно, Ринуль. Поэтому я так удивилась, когда ты заявила, что выходишь замуж за Никиту.

— Ну... — готовлюсь, как всегда, наврать с три короба. Однако вспоминаю, что в этом нет смысла. Я же пришла, чтобы поделиться и получить какую-то поддержку. Так какой смысл еще и ей врать? — Это еще не решенный вопрос, — признаюсь подавленно. — Говорить ему о своей беременности никакого желания нет. А скрывать — полный треш.

— Да... Тёма точно нас всех убьет, — снова заходит Лиза в переживаниях.

— Ой, ты только не нервничай, — обмахиваю ее ладонями. — Если тебе станет плохо, Тёма убьет только меня, — опускаю взгляд на ее круглый восьмимесячный живот и не верю, что через полгода буду выглядеть так же. — Извини, что вывалила на тебя свои проблемы. Маме я пока не готова сказать. Мне очень стыдно, — признаюсь, заливаясь жаром. — Беременная восемнадцатилетняя девственница — странное существо! Я ведь даже к гинекологу не могу обратиться!

— Девственница? — изумляется Лиза. — Но как так получилось, Ринуль? — спрашивает еще чуть погодя, когда эмоции немного стихают, и мы присаживаемся за стол, чтобы продолжить разговор в более спокойных тонах.

— У нас с Шатохиным был секс без проникновения и... — невзирая на смущение, решаюсь рассказать все. Замучилась держать в себе. — В общем, он кончил у входа во влагалище. Сразу после этого заставил меня выпить таблетку экстренной контрацепции. Потому как насчет детей он настоящий параноик! Говорил, что у него их не будет никогда, — вспоминаю об этом и всем телом содрогаюсь. — Я читала, что наступление

беременности без проникновения очень маловероятно. Сказала ему, что приняла обе таблетки строго как прописано в инструкции, и что месячные были... — пока делюсь, кажется, будто заново все это проживаю.

Потряхивает уже капитально. Еще и глаза начинают слезиться. Но я продолжаю говорить, чтобы не уйти снова в жесткий ступор и не травиться всем этим в одиночестве.

— Не приняла?

Зажимая ладонью рот, чтобы хоть как-то сдерживать рыдания, мотаю головой.

С благодарностью беру протянутый Лизой стакан. Сделав несколько шумных глотков воды, выдерживаю паузу, чтобы выровнять дыхание.

— Нет, не приняла, — бормочу чуть позже. — Не захотела травиться гормонами. По приезде домой спровоцировала рвоту. А вторую таблетку и вовсе выбросила... Господи, ну это ведь один шанс из ста! Я просто не верю, что так получилось именно у нас! — сокрушаюсь, не сдержав эмоций. — Этот проклятый Шатохин не только в баскетболе снайпер¹!

Лиза неожиданно смеется.

— Наверное, этому малышу самой судьбой велено родиться, — улыбается ободряюще и сжимает мою вспотевшую ладонь. — Будет нашему Кирюхе компания.

— Стоп, стоп, стоп... Я пока не готова об этом думать... — лепечу, стискивая ее кисть изо всех сил. Будто я уже рожаю, Господи! — У вас с Тёмой семья, любовь... Красивая свадьба была... А я одна... Для Чарушиных это какой-то нонсенс! Просто ужас! Полный провал!

— В жизни бывает все, Ринуль. Важно, как мы принимаем ту или иную ситуацию. Вот ты не накручивай. Не изводи себя. Если решилась родить, то ищи для себя

¹ Снайпер в баскетболе — игрок, без промаха попадающий в корзину противника.

плюсы. Будешь молодой красивой мамочкой! Выйдешь из дома с коляской, все еще круче на тебя головы сворачивать будут, я уверена.

Возможно, это происки каких-то гормонов, но на меня отчего-то положительно действуют рисуемые Лизой перспективы. Представляю себя, своего малыша, и в груди теплый щекотный вихрь проносится, а по телу разлетается приятная дрожь.

Ой, нет... Стоп, стоп, стоп... Надо все-таки притормозить с фантазиями.

— Даня уехал из-за тебя?

— Не знаю... — устало пожимаю плечами. — Я его просила, конечно, чтобы он исчез... Но не думаю, что он конкретно меня послушал. Наверное, так совпало.

— Ясно.

— Он же, когда узнал, что я его люблю, разорался как бешеный, что ему это не нужно, что мы так не договаривались, что просто развлекались, и я, мол, даром не нужна на постоянку... Ну, у него, кроме меня, полным-полно других вариантов было... Ты и сама, наверное, знаешь, какой он... — с трудом перевожу дыхание. Столько молча страдала, сейчас попросту не верится, что, наконец, все это реально озвучиваю. — В общем, Шатохин был с другими в параллель со мной. С одной прямо на моих глазах! Я же в отместку соврала, что с Никитой крутила, и, типа, он меня невинности лишил, — голос срывается, как не приказываю себе держаться. — Никита прикольный. Мне с ним правда классно. Я в какой-то момент согласилась на его предложение, но быстро поняла, что сейчас не смогу. Думала, хотя бы решить с ним проблему с девственностью. Но... — запинаясь, осознавая, что и так слишком много на Лизу обрушила. А ей ведь действительно нельзя волноваться. Поэтому, умолчав о самом страшном, коротко резюмирую: — Не получается дойти с Никитой до секса. Он классный, да... — вновь сама себя убеждаю. — Но, едва прикасается, мне становится жутко до ужаса.

— Жутко до ужаса? — переспрашивает невестка удивленно.

Только сейчас понимаю, как странно это звучит. Нужно все же быть осторожнее со словами.

— Да... — подтверждаю без каких-либо пояснений. — Наверное, придется устранять хирургически.

— Ну... Устранить, я думаю, не проблема. Только ты сама к себе прислушайся: раз не можешь решиться на близость с Никитой, то и о браке с ним даже не думай. Я тебя прошу, не губи себе жизнь! — выпаливает Лиза с непривычной для нее эмоциональностью.

— Я ее и так, похоже, загубила...

— Нет, Ринуль. Ребенка своего ты обязательно полюбишь. А вот Никиту уже вряд ли. Дай себе время переболеть после Дани.

— Да я давно переболела! — заявляю упрямо. — В тот момент, когда увидела с другой, разлюбила! И забыла!

Лиза мне ответить не успевает. Незаметно для нас возвращается брат. Мы только вздрагиваем, когда в холле дома хлопает дверь. Как не слышали шум двигателя со двора — непонятно.

Не сговариваясь, подсказываем и одновременно выходим из-за стола. Я поправляю платье, хватаю с кресла сумку и спешу на выход. Не в том настроении, чтобы играть перед кем-то свою обыкновенную беззаботную веселость.

— Завтра к тебе заеду, — говорю на ходу. — Будешь дома? — в последний момент на Лизу оглядываюсь.

— Да, конечно.

— Супер!

А потом... Поворачиваясь обратно к двери, на полном ходу врезаюсь во входящего. Странно, он-то не мог не слышать, что я иду. Вскидываю взгляд и едва не лишаюсь сознания, когда приходится столкнуться с бьющей бездной глубоких синих глаз.

Глава 2

Шатохин не в счет! Давно не в масть!

© Марина Чарушина

От неожиданности резко теряю равновесие. Дане приходится придержать меня руками. Дышать нечем, вмиг заканчивается весь кислород в легких. А он еще и сжимает мою талию крепче, чем того требует ситуация. Проникает своим ядовитым жаром через тонкую ткань платья. И я вдруг совершенно непредвиденно, неуместно и крайне отчетливо вспоминаю, каково это — ощущать его ладони на голом теле.

Приоткрываю губы, чтобы совершить слабый вдох и напряженно замереть в ожидании яростной панической атаки. Но... По неясным для меня причинам приступ не случается. Все ощущения на пределе. Точно как раньше. И вместе с тем мощнее. Только страх то ли заблудился, то ли в отключке свалился, то ли вообще умер. Ошарашенно осознаю, что его нет. Просто нет, и все тут.

Очень активно высвобождаются другие эмоции и чувства. Обезумевшие от восторга узники оголтелой толпой разлетаются по телу. В центре груди происходит сильнейшая огневая вспышка. По плечам и рукам огненной паутиной расползается ток. Спину бьет горячая дрожь.

Любовь... Нет-нет, не она!

Что именно, я не знаю... Не успеваю понять и принять, как это чувство захватывает мой организм. От резкого скачка напряжения перегорают и гаснут какие-то лампочки. А потом так же внезапно они загораются вновь, ослепляя и выдавая невысказанное количество энергии.

Пространство вокруг нас вращается. И мне вдруг кажется, что мы с Шатохиным оказываемся зажатыми в узкой кабине лифта, которая срывается с тросов и на

огромной скорости устремляется куда-то ввысь. Туда, где даже самолеты не летают. Мчим, словно ракета. И я не знаю, как это остановить.

Взгляд Дани меняется. Синий цвет в нем исчезает. В черных дисках что-то взрывается. Скулы приобретают отчетливый розовый оттенок. Через приоткрытые губы выходит тихий обжигающий вздох.

Я трещу и рассыпаюсь. Я плаваю и растворяюсь. Я горю и сгораю.

— Так, что ты говоришь? Когда прилетел?

Звуки Тёминого голоса заставляют отрезветь. Я резко отталкиваюсь и быстро отступаю в сторону, как раз в тот момент, когда он входит в кухню.

— О, кобра, привет! — приветствует в своей обычной манере и топит, конечно же, все мои возмущения обаятельнейшей улыбкой. — Не знал, что ты у нас.

— Мы вешали новые шторы, — поясняет Лиза.

Не то чтобы есть необходимость оправдывать мое нахождение здесь, но я ее порыв понимаю. Саму потряхивает, стоит лишь подумать, что брат о чем-то догадается.

— Ровненько, — поддакиваю с улыбкой. — Складочка в складочку!

На Шатохина не смотрю. Я вообще сразу же, как отворачиваюсь, о его присутствии забываю! Только вот сердце бахает вовсю. Слизистую жжет, словно после ожога токсичными парами. А кожу будто крапивница поражает — зудит нестерпимо.

Я чувствую себя всполошенной, наэлектризованной, безумной... Живой!

Наверное, у меня какая-то уникальная нервная система: гуще, витиеватее и обширнее, чем у других людей. Иначе как объяснить, что все вокруг такие серьезные? Мои же разветвления под действием каких-то гормонов после месячной спячки вдруг распускаются еще дальше. Тянутся, тянутся, тянутся... Пока не упрутся сверхчувствительными хвостиками нервных

окончаний прямо мне в кожу. И вот тогда от меня будто искры летят.

Да, вероятно, это гормоны. Я ведь беременная. От того чересчур впечатлительная.

Шатохин не в счет! Давно не в масть!

Я его ненавижу!

Внизу живота скапливается такое сильное жжение, что я неосознанно начинаю волноваться. Неужели что-то с ребенком? Потом и вовсе шальная мысль мелькает, что это малыш реагирует на своего отца.

Нет, я точно приближаюсь к тому периоду, во время которого перенасыщенная гормонами женщина глупеет. Только этого не хватало!

Я... Я просто в шоке. Не ожидала так рано увидеть Даню.

— Голодные? Обедать будете? — спрашивает Лиза.

И я, наконец, вспоминаю, что собиралась уходить.

— Всем пока! — выпаливаю и пулей несусь на выход.

Домой иду пешком. Шагаю неспешно, медленно втягивая солоноватый морской воздух и так же размеренно его выдыхая. Пытаюсь вытравить из себя мужской запах. Но он будто тяжелее остального воздуха. Провалился внутрь меня и с каждым новым вдохом лишь глубже пропитывает плоть.

Посреди улицы, в сорокаградусную жару, с кучей забот и проблем, я неожиданно осознаю, что впервые с той самой кошмарной ночи, которая наполнила меня жутким отвращением ко всему мужскому полу, испытываю возбуждение.

Быть такого не может!

Но я ведь знаю, как это ощущается. Ошибиться невозможно.

Мое взбесившееся сердце продолжает тарабанить. Учащенное дыхание срывается. Тело мелко подрагивает. Грудь сладко ноет. Низ живота жарко закручивается в тугую спираль.

Все это настолько удивительно для нынешней меня, что я попросту какое-то время пребываю в некотором трансе. Молча иду и пытаюсь осмыслить происходящее.

Посттравматический синдром после сексуального насилия — это чудовище, которое лишило меня сразу нескольких радостей жизни. Я упорно, но безуспешно борюсь с ним на протяжении месяца. И тут... Где же оно сейчас? Как пропустило эти яркие эмоции? Почему?

Голова кругом идет. В теле возникает слабость. Ознобом пробивает. Но на душе вдруг так тепло становится, так щекотно, так приятно... Я раскидываю руки и, не обращая внимания на отдыхающих и прохожих, начинаю вертеться. Когда безоблачное голубое небо размывается, просто меняю направление и вращаюсь уже против часовой стрелки.

— Мам? — зову громко с порога, едва попадаю в дом.

— Я на кухне!

Совсем неудивительно. Можно было бы и догадаться, просто во мне нетерпение горит. Ноги за ним не поспевают.

— Что у нас есть покушать? — кричу по пути. — Я такая голодная!

Мама встречает улыбкой.

— Наконец-то! — выдает она, а я смеюсь. — Паста карбонара, овощной суп и оладьи из шпината. Что выбираешь?

— Все! Аж слюнки текут, все хочу!

Мамуля вновь довольно смеется.

Тёма женился и съехал, Анж и Ника перед вторым курсом универа перебрались в город еще в начале августа, а папа до ночи на работе — маме не было кого кормить! Я этот месяц кое-как питалась. И не то чтобы меня сильно тошнило... Аппетита не было. Чаще всего заставляла себя через «не могу».

А сегодня прям зверенышем себя чувствую. Едва вымыв руки, шарюсь по холодильнику, пока мама

накрывает стол. Пару зеленых оливок, острая сырная палочка, вяленая помидорка, шоколадная конфета, кусочек соленой рыбки... И я резко торможу.

Нет, благо плохо мне не становится. Просто я догоняю, как, должно быть, странно выгляжу со стороны. Осторожно поглядывая на маму, плавно ухожу от холодильника. А прожевав, принимаюсь, как раньше, напевать какую-то веселую ерунду.

— Ты на пляже была? Плавала? Или к танцам вернулась? — заваливает вопросами мама.

Сказать, что все были удивлены, когда я в конце июля забросила танцы и забрала документы из университета культуры и искусств, чтобы по благу пропихнуться в нашу местную академию IT-технологий — это ничего не сказать. Они были потрясены! Ведь пение и танцы были всей моей жизнью. И тут ни с того ни с сего я вдруг заявила, что на профессиональном уровне больше заниматься не планирую.

Объяснить им причины не могла. Но и изводить себя сценой не стала. Ушел запал.

— Нет, мамулечка, не плавала и в спорткомплексе не была, — стараюсь звучать легко. Пока садимся за стол, улыбаюсь. — Сначала гуляла, потом к Лизе зашла, потом опять гуляла.

— Умница, — заключает с той же улыбкой мама. — Ой, — в какой-то момент спохватывается. — Никита тебя потерял. Звонил раз пять. Все спрашивал, не пришла ли...

— Мм-м... — закатывая глаза, скашиваю и слегка раздраженно тяну уголок губ вверх. — Наверное, телефон на беззвучном стоит. Перезвоню позже.

Но сразу после обеда мне этого делать не хочется.

Я поднимаюсь в свою комнату, сажусь за мольберт, открываю краски и беру за кисти. Художник из меня посредственный. Творческий человек не талантлив во всем. Но мне нравится что-то чудить на холсте. Что-то, что никто не поймет. Мой психотерапевт называет это терапией.

Возможно, так и есть. Ведь, размазывая краски по листу, я незаметно погружаюсь в себя. Прокручиваю то, что сегодня произошло. Принимаю возвращение Шатохина. Прорабатываю свои эмоции.

И по итогу говорю себе: «Я не какая-нибудь безмозглая самка. Мои реакции на него — это нечто давнее, невыгоревшее. Я не люблю его. Мне он неинтересен. Он испорченный. Он бесчувственный. Он — все тот же Даня Шатохин, которого мы все знаем. Он спит со всеми подряд. Он трахался с одной из своих шлюх прямо у меня на глазах! Мне он не нужен! У меня есть Никита!»

Вдыхаю и задерживаю кислород в легких, когда понимаю, что мои эмоции становятся слишком агрессивными.

Вдох-выдох.

Сердце постепенно успокаивается. Пульс замедляется. Все плохое из меня испаряется. В моей голове порядок. В душе покой. Вокруг меня защита.

— Ринуль? — заглядывает в комнату мама. — Никита приехал.

Поджимая губы, откладываю кисть.

Я ему так и не перезвонила. Лопнуло терпение, что ли?

— Сейчас спущусь, мам. Две минуты.

— Окей.

Глава 3

Не желаю с ним в одном доме находиться!

© Марина Чарушина

— Мариш...

Дыхание Никиты окатывает горячей волной шею. Ладони нетерпеливо скользят с живота на грудь. Эрекция вжимается в ягодицы. Я мгновенно дрожать начинаю. Только не от возбуждения, как случилось чуть ранее,

при встрече с проклятым дьяволом Даниилом Шатохиным. Все, что я чувствую сейчас — это уже привычный, но все такой же разрушительный панический ужас.

Чудовище проснулось.

Прикрывая веки, рвано хватаю воздух. Грудь на подъеме раздувает настолько, что ребрам больно. Секунда, две, три... Сдаваясь зарождающейся истерике, резко распахиваю глаза, только чтобы грубо сбросить руки Никиты со своего тела и стремительно уйти в сторону. У качелей замираю, хотя охота двинуться дальше. И бежать, бежать, бежать... Пока силы не иссякнут.

— Прости... — извиняется Орос раньше, чем мне удастся выровнять дыхание.

По лицу моему, конечно же, все понимает. Он не может не понять. И все равно продолжает лезть! В такие моменты мой страх больше агрессивный. За одно лишь сексуальное желание, которое он, несомненно, ко мне испытывает, мне хочется наброситься на него и разорвать на куски.

— Прости, — повторяет, как мне кажется, слегка растерянно. — Кроет от тебя, малыш. Голову теряю. Очень тяжело сдерживаться, когда ты рядом и такая красивая, — оправдываясь, смягчает слова улыбкой.

Мне неприятно это слушать. Заставляю себя молчать, с одной надеждой, что когда-то привыкну. Но благодарность за спасение день за днем утихает, а раздражение, напротив, растет.

Чувствую себя от этого отвратительно.

Прибегая к экстренным методам, вспоминаю все, что ощущала, лежа на пыльной и неопишимо твердой мостовой, пока те пьяные твари лезли в меня пальцами. На кадре, когда один из них перешел к главному акту адового развлечения и попытался всунуть в меня член, захлебываюсь самыми тяжелыми эмоциями. К счастью, сразу за ними меня, будто ливнем в жару, накрывает облегчением — момент появления Никиты и его друга, из-за которого он тогда и задержался.

